

Другие способы обращаться с насилием: инструменты нарративной терапии и гонительские репрезентации

МАРЫСЯ ПРОРОКОВА

Институт философии РАН, Москва, Россия,
prorokova1040@list.ru.

ВАСИЛИЙ РАДАЕВ

Независимый исследователь, Москва, Россия,
vasilyradaev@gmail.com.

Ключевые слова: козел отпущения; нарративная терапия; автор насилия; социальный конструкционизм; культура отмены; гонительские репрезентации; восстановительное правосудие.

В статье рассматривается идея неэссенциалистского взгляда на насилие применительно к терапевтической и социальной работе, а также к практикам самоорганизации сообществ. Авторы статьи предполагают, что жирардианский взгляд на современные тактики обращения с насилием ценностно и методологически перекликается с оптикой нарративной терапии, и проводят параллели между концепциями козла отпущения и гонительских репрезентаций и такими нарративными идеями, как деконструкция, экстернализация и метафора нарратива.

В статье показывается, какими инструментами нарративная терапия располагает для работы с авторами насилия, пережившими насилие и свидетельствующим сообществом; какие ценностно близкие идеи и методики (в частности, восстано-

вительное правосудие, круги сообществ и модель НОКСА) могли бы инструментально подойти для этой работы, какие союзники обнаруживаются у нарративной практики в смежных подходах; что в данный момент делают сообщества и проекты, желающие двигаться в этом направлении; какие идеи Рене Жирара могли бы дополнить нарративный арсенал и почему построение диалога между жираровской теорией и нарративной практикой кажется нам актуальным — как в поле теории, так и с точки зрения практики.

В качестве актуального кейса авторы статьи знакомят читателей с наблюдениями и выводами, полученными рефлексивной группой в ходе серии нарративных медиаций конфликтов и терапевтической работы с авторами насилия и пострадавшими.

Введение

КАНАДСКИЙ нарративный терапевт и консультант в области семейного насилия Арт Фишер пишет о ловушке утопической концепции «безопасного пространства» за пределами классических, укорененных в истории дискурсов, особенностью которых может являться неприятие, притеснение и исключение персон и сообществ, не вписывающихся в традиционную социальную парадигму. Хотя такие «невинные» пространства создаются в противовес «опасным» пространствам, выбирающим их группам и отдельным людям все еще тяжело полностью перекодировать логику взаимодействия друг с другом таким образом, чтобы освободиться как от властных диспозиций и иерархий, так и от дегуманизирующей риторики, оперирующей бинарными оппозициями «нормального/ненормального». Так, говоря о насильственном поведении в романтических отношениях, Фишер пишет:

Эта комплексность, посредством которой в любви за счет обещания «альтернативного» пространства рождается доминирование, наводит меня на мысли о других «альтернативных» местах и пространствах моей жизни, особенно «альтернативных» пространствах социальной справедливости (например, пространствах, представленных такими идентичностями, как «гей»¹, «феминист», «выступающий против насилия», «постструктуралист», «нарративный терапевт» и т. п.)².

Фишер предполагает, что эти альтернативные пространства, создававшиеся как безопасные для персон, чьи свобода и безопасность пострадали внутри доминирующих дискурсов современ-

Авторы выражают особенную признательность Анне Оз за помощь в подготовке этой статьи.

1. Движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено на территории РФ.
2. Фишер А. Власть и обещание «невинных» пространств // socFAQtor. 25.11.2011. URL: <https://socfaqtor.wordpress.com/2011/11/25/арт-фишер-власть-и-обещание-невинных-2/>.

ного им общества, в реальности зачастую непрерывно учреждали собственные модели «ортодоксальности», и эти модели также оказались затронуты риторикой осуждения и многочисленными практиками дискриминации (эйджизмом, лукизмом, сексизмом и пр.).

В своих поздних работах Жирар говорит о парадоксальной двойственности в отношении насилия в нашу эпоху: с одной стороны, взаимопомощь и сострадание сегодня явно можно отнести к доминирующим ценностям, в том числе когда речь идет о международных отношениях. С другой стороны, «обеспокоенность жертвами» подпитывает локальные миметические эпидемии, инспирируя фрактально разрастающиеся «гонения на гонителей на гонителей гонителей». В работе «Я вижу Сатану, падающего, как молния» Жирар пишет:

Обеспокоенность жертвами стала предметом парадоксальной конкуренции миметических оппонентов, которые с азартом пытаются превзойти друг друга. Наиболее интересными для нас всегда являются те жертвы, которые позволяют нам осудить соседей. И они отвечают нам тем же. Они прежде всего думают о тех жертвах, ответственность за которых могут возложить на нас³.

Сомнения Жирара относительно антиконтагиозного потенциала освободительных практик современности — даже тех, первоначальная цель которых и заключается в перекодировании гонительской матрицы, — лежат в схожей с сомнениями Фишера плоскости: строя свою идентичность как историю сопротивления, бунта против доминирующих дискурсов, подобные сообщества часто на практике воспроизводят все тот же гонительский механизм. Необходимость радикальной пересборки оптики, с которой мы смотрим на политически, гендерно, этнически и религиозно Другого, сегодня видится особенно актуальной. «Человечество учится и отступает от жестоких жертвоприношений, но делает это очень медленно и почти всегда само об этом не знает»⁴, — говорит Жирар в «Завершить Клаузевица» — работе, в которой проблема эскалации насилия в наши дни выступает, по сути, центральной темой.

3. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: ББИ, 2015. С. 172.

4. Он же. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантрон. М.: ББИ, 2019. С. 8.

Скептицизм Жирара в отношении новейших процедур восстановления социальной справедливости, пожалуй, можно было бы выразить через вопрос: не продолжается ли эскалация насилия заметнее всего именно там, где с насилием отчаяннее всего пытаются бороться?

Выступая в защиту тех, кто долгое время находился на периферии общественной жизни, был дегуманизирован, лишен значительной части гражданских прав и свобод либо подвергался насилию, сторонники социальной справедливости, активисты и правозащитники зачастую невольно воспроизводят тот же гонительский паттерн — используя практики исключения из сообщества, социальной блокировки и «отмены» (*cancelling*), агрессивного призыва к раскаянию, различных форм ostracism — всего того, что можно было бы отнести к «гонениям с коллективной поддержкой»:

Под коллективными гонениями я понимаю акты насилия, совершаемые непосредственно смертоубийственными толпами, подобно избиению евреев во время черной чумы. Под гонениями с коллективной поддержкой я понимаю акты насилия... легальные по форме, но, как правило, подстрекаемые возбужденным общественным мнением⁵.

Нарративная практика — направление в терапии и социальной работе, чей взгляд на работу с насилием и конфликтами как ценностно, так и методологически перекликается, как мы полагаем, с жираровской идеей *козла отпущения*. Однако фигура Жирара и его концептуальный аппарат на данный момент нарративному сообществу если и знакомы, то не обсуждаются широко. Нам представляется, что коммуникация между жирардианским миром и нарративным сообществом могла бы быть интересной и продуктивной как в теоретическом, так и в практическом смысле: исследователи, испытывавшие на себе влияние Жирара, могли бы увидеть в нарративном методе практическое применение ряда жираровских идей, а нарративные терапевты — расширить концептуальный инструментарий за счет рецепции ценностно близкой философской модели. Данная статья — шаг в эту сторону, и ниже мы попробуем показать, какие между жираровской теорией и нарративной практикой имеются примечательные, на наш взгляд, значимые «переклички».

5. Он же. Козел отпущения. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. С. 28.

Другая наша цель — показать, как с помощью нарративных инструментов помогающие практики могут работать с совершавшими насилие персонами, а медиаторы — с авторами насилия, пострадавшими и свидетелями. Нам кажется важным уделить этому внимание, потому что оказание психологической поддержки совершавшим насилие остается далеко не самым подсвеченным и приоритетным направлением как в поле российской помогающей практики, так и в пространстве наук о человеке. Однако именно дестигматизирующая работа со случаями насилия и поддержка соответствующих инициатив видится нам важным шагом для снижения уровня насилия в обществе.

В русле нарративной терапии озвученная выше этическая дилемма Жирара могла бы быть переформулирована таким образом: как мы (и нарративные терапевты, и другие сообщества, которым близки ценности солидарности и ненасильственной коммуникации) могли бы работать с проблемой насилия вне гонительской логики?

Нарратив и «гонительские репрезентации»

Нарративная терапия опирается на предложенные философией и культурной антропологией языки. В частности, ей усвоены и переработаны идеи дискурса Мишеля Фуко, идея деконструкции Жака Деррида, идея стадий перехода Арнольда ван Геннепа и концепт насыщенного описания Клиффорда Гирца.

Трансформируясь в ходе психотерапевтической репепции, эти понятия, с одной стороны, входят в концептуальный аппарат нарративной терапии, с другой — лежат в основе ее этического фундамента. Важным отправным пунктом для нарративной терапии становится понимание человеческого опыта как мерцающей и пребывающей в непрерывном процессе становления целостности, взаимодействия с которой, терапевт руководствуется ценностью разнообразия (*diversity*), гибкости и многомерности, пересечения и наложения друг на друга различных идентичностей в рамках истории одной персоны, а также сложного переплетения контекстов в едином ландшафте аутентичной *истории*. Выбор в пользу постструктуралистского и социально-конструктивистского концептуального аппарата позволяет нарративной терапии оперировать идеями аутентичности опыта рассказчика и исходить из презумпции экспертности клиента по отношению к собственной жизни, избегая, в частности, властных и иерархических отношений внутри диады те-

рапевт/клиент и сопутствующих этому центрированных моделей терапевтирования⁶.

«Классическая» психотерапевтическая модель интерпретации человеческого опыта в свете нарративной оптики выглядит как ограниченная и ограничивающая, построенная на жестких, одномерных способах интерпретации — с одной стороны, в силу использования терминологии как совокупности обобщающих языковых конструкций, а с другой — в силу интерпретации идентичности как некой устойчивой и даже ригидной целостности. Среди прочих особенностей «модернистской» психотерапии, пересмотреть которые стремится нарративная практика, можно назвать и понимание личной истории терапевтируемого в отрыве от тех культурных, социальных и политических контекстов, в которых конкретная личная история формировалась⁷.

Нарративная оптика во многом развивалась в ходе социальной и терапевтической работы с представителями коренного населения Австралии и Новой Зеландии, вдохновляясь традиционными для этих народов практиками примирения⁸. Свойственное ей внимание к проблемам, связанным с социальным неблагополучием, неравенством и социальной несправедливостью, а также со сложностью и мозаичностью культурного, языкового и религиозного многообразия постсовременного мира, сближают ее практику с деколониальной оптикой.

Метафора нарратива — это познавательный инструмент, с помощью которого структурируется и осмысливается опыт. Терапевт сопровождает своего собеседника на пути пересочинения той или иной жизненной истории, проводя рекогносцировку на территории рассказа, помогая собеседнику или собеседникам найти аутентичный язык для описания связанных между собой событий и осуществляя своего рода перекодировку опыта: то, как истории конструируются и рассказываются, ретроспективно влия-

6. White M. *Narratives of Therapists' Lives*. Adelaide: Dulwich Centre Publications, 1997.

7. Эта идея близка логике феминистской эпистемологии, стремящейся переосмыслить идею «объективного знания» как познавательной модели, узурпированной обладающими властью узкими категориями населения, институтами и персонами, а также поддерживаемой и воспроизводящейся ими в целях контроля, подавления и эксплуатации.

8. NiaNia W. et al. *Collaborative and Indigenous Mental Health Therapy: Tātai-hono — Stories of Māori Healing and Psychiatry*. Oxfordshire: Routledge, 2016; Янкапорта Т. Разговоры на песке. Как аборигенное мышление может спасти мир. М.: Ad Marginem, 2022.

ет на отношение к пережитому и в то же время выступает опорой для проектирования будущего.

Культурный контекст, в котором формировались представления собеседника о себе и окружающих, оказывается чрезвычайно важным фактором, когда речь идет о предпочитаемой и не предпочитаемой собеседником картине будущего⁹. Нерефлексивно усвоенные, впитанные из среды фоновые установки, убеждения и идеи, которые воспринимаются собеседником как нечто общепринятое, очевидное и не подвергаются сомнению, в нарративной терапии обыкновенно пропускаются через фильтр деконструкции — последовательности вопросов, направленных на выявление того, какие предписания, ограничения и запреты эти установки накладывают на жизнь расспрашиваемого.

Идеи, разделяемые большими группами населения и влияющие на выбор большого количества людей, в нарративной терапии называются *дискурсами*. В терапевтической работе деконструировать можно идеи, которые патологизируют, дискриминируют или лишают собеседника выбора. Примерами суждений, рожденных внутри дискурсов, могут быть обобщения: «мужчина не должен плакать», «хороший человек не отказывает в помощи», «все стоматологи — шарлатаны», «творческая работа тебя не прокормит» и пр. Подобные обобщения могут распространяться не только на самого расспрашиваемого и его самостигматизирующие суждения, но и на то, как он взаимодействует с другими и как зачастую стигматизирует их в соответствии с тем, внутри какого дискурса сконструирован язык, лежащий в основе его описаний реальности.

Жиран обращает наше внимание, что «инфицирование» гонительским видением — момент, ускользающий от участников (гонительского) процесса. То же самое справедливо и в отношении усвоения дискурсов, навязывающих нам устойчивые социально-эпистемологические паттерны. И дискурсы, и гонительская оптика влияют на то, как мы со-располагаемся с многообразными Другими в этико-политической экосистеме. Приглашая своих читателей к развитию чувствительности в отношении гонительских репрезентаций, подхлестывающих миметическую эскалацию насилия, Жиран делает шаг, близкий к тому, что в нарративном подходе называется деконструкцией.

9. *Предпочитаемое, предпочитаемая история* в нарративной практике — аспекты жизни, связанные с надеждами терапевтируемого и его представлениями о желаемом будущем.

Идейное пересечение с жираровской идеей гонения мы обнаруживаем, например, у Клементин Морриган — канадской активистки в области работы с сообществами, автора книг и зинов, посвященных работе сообществ с ситуациями насилия и вреда, а также травматическому опыту:

Я хочу быть ответственной за то, что внесла свой вклад, пусть даже небольшой, в создание жестокой и совершенно неработающей системы — системы, которая вместо нелегкой работы по производству социальных изменений приглашает нас к поиску козлов отпущения, дегуманизации и ретравматизации¹⁰.

Здесь Морриган в ироничной форме говорит о коллективном характере формирования гонительских дискурсов, об «утрате различий» и миметической унификации, которая для нас пронизывает *modus vivendi*. Можно сказать, что «небольшой вклад», о котором пишет Морриган, — это вклад в поддержку тех нарративов, которые делают дегуманизацию вариантом нормы; важно еще раз подчеркнуть, что с нарративной точки зрения то, как мы действуем, формируется за счет того, какие языки мы используем для описания тех или иных явлений.

В качестве примера «гонительской репрезентации» можно обратиться к анализу так называемой культуры отмены. Практика культуры отмены остается в основном дискурсивной и не имеет письменных закрепленных источников, так что нет и единого понимания этого термина и практик, с ним соотносящихся. Говоря о культуре отмены, мы подразумеваем, что в отношении персоны применяются некоторые из следующих практик:

- массовая травля обвиняемого (зачастую в интернете — к примеру, обвиняющие твиты и т. д.);
- массовая травля всех, кто связан с обвиняемым или выступает в его защиту;
- эссенциализм: в какой-то момент обвинения в конкретных поступках могут отойти на второй план и уступить место интернализирующему языку, который фреймирует обвиняемого как абьюзивного/приносящего вред;
- смешивание разных типов вреда/насилия внутри одной логики отношения к нему;

10. *Morrigan C. Fuck the Police Means We Don't Act Like Cops to Each Other.* Montreal, 2020.

- запрет на защиту или несогласие с обвинениями, из чего вытекает единственная допустимая реакция — полное признание обвинений;
- принадлежность к определенной группе/идентичности обвиняющих используется ими для подтверждения своих утверждений.

Нам также важно обозначить, что, говоря о критике явления, называемого «культурой отмены», мы исходим из аболиционистских идей неприятия системы наказаний и карсеральных логик и предпочитаем отмежеваться от критики, которая, как нам кажется, исходит из нежелания нарушать властные статус-кво или неспособности их различить.

Также хотелось бы держать в фокусе политический контекст возникновения самого явления культуры отмены. Согласно исследовательнице медиа Мередит Кларк, практика культуры отмены берет начало в квир-сообществах¹¹ цветных людей (*queer communities of color*)¹². Можно проследить преемственность по отношению к тактикам бойкота, применявшимся черным населением для противостояния различным формам институционализированного расизма. Практика *calling out* (публичного призыва к критике чьих-то действий/взглядов или призыва объяснить их), также появившаяся в черных сообществах, вероятно, наиболее близка к тому, что стало называться «культурой отмены». Согласно Кларк, то, что изначально было «выражением активности, сознательным решением не «дарить» внимание, деньги, время и присутствие тем, чьи ценности, (без)действия или слова оскорбительны», стало «культурой отмены» с посылки белых журналистов. В попытке оставаться капиталистически успешными и привлечь больше внимания пользователей медиа растиражировали явление, описываемое как «культура отмены», заимствовав его из коммуникативных практик черных сообществ, но при этом лишив политического, культурного и исторического контекста. Кроме того, представляется важным помнить, что эти явления развивались в контексте сопротивления масштабным системам угнетения, подкрепленным государственным насилием, и нежелания оставаться нейтральными к дискриминационным практикам.

11. Движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено на территории РФ.

12. Clark M. D. DRAG THEM: A Brief Etymology of So-Called “Cancel Culture” // Communication and the Public. 2020. Vol. 5. № 3-4. P. 88-92.

Стоит подчеркнуть, что область формирования и формулирования публичного дискурса остается ограниченной существующим в обществе распределением власти и привилегий. Можно сказать, что формулирование дискурса о том, что такое культура отмены, что в нее входит, как ее применять и какова может быть ее критика — это действие, доступное тем, кто может аккумулировать достаточное количество медиаресурса.

Говоря об «отмене» в контексте того, как сообщества могут делать случаи насилия видимыми, мы предпочитаем наметить несколько ключевых пунктов, позволяющих сделать это вне риска эскалации насилия:

- не применять кэнселинговые стратегии до окончания разбирательства;
- признать, что выслушивать обвиняемого даже в отсутствие жертвы — не значит поддержать его;
- понимать, что отмена имеет серьезные последствия для отменяемого;
- признать необходимость того, чтобы «отменяющие» обосновали предпринятые шаги чем-то, кроме самого факта обвинения, если отменяемый не признавал правомерность этого обвинения и готов защищаться;
- признать, что поддержка обвиняемого не должна иметь репутационных последствий для поддерживающих его персон и сообществ;
- признать, что поддержка, как и обвинение, — дело личное, которое не должно переноситься на институции, если в них нет полного консенсуса;
- стремиться довести разбирательство до логического конца.

В статье, посвященной жираровскому прочтению культуры отмены в контексте тотального ускорения культуры, исследователь Йоаким Вретхед предлагает нам посмотреть на современные практики гонения как на следствие общего миметического ускорения в современном мире — нам становится все сложнее уделять время и внимание всем видам взаимодействий, предполагающим крупные инвестиции внимания:

Эскалация насилия, выявленная Жираром, быстро распространяется в эпоху культуры отмены и высокой скорости. Слепота к механизмам миметического желания ускоряет эскалацию. Возможные противоядия, такие как созерцательное и медленное чтение, тщательное построение аргументов и чуткое понимание неизбежности истории, отодвигаются в сторону быстротой ин-

формационно-коммуникационных технологий и подавляющей силой презентизма. Кажущиеся необходимыми процессы этической чистки, направленные на избавление от «аморальных» элементов, распространяются шире и затрагивают человеческую культуру в целом¹³.

Представляется, что то, что автор называет «этическими чистками», является прямым следствием миметической логики, в цифровую эпоху имеющей все более и более высокий потенциал контагиозности. Медленное чтение (если понимать чтение не только буквально, но и метафорически — как прочтение дискурсов и контекстов) и тщательное построение аргументов — предложенные автором «противоядия» от насилия — кажутся нам шагами в сторону неэссенциалистского понимания насилия, то есть понимания насилия как практики, а не свойства (конкретной персоны), оправдывающего применение в отношении нее практик изоляции, исключения и гонений.

«Приглашение к ответственности» и неэссенциалистское понимание насилия

Основатель нарративного подхода Майкл Уайт, говоря о работе с совершавшими насилие мужчинами, предлагает в качестве исходной точки терапевтического процесса двойную операцию: с одной стороны, репозиционирование относительно властных дискурсов и убеждений, наличие которых сделало насилие возможным (например, представления о монополии на истинное знание, правоту и т. д.), с другой — *приглашение к ответственности*, то есть признание собственной роли, собственного авторства насилия. Эта операция может вывести на альтернативные территории жизни — то есть на территории вне насильственных паттернов, где взамен доминирующих дискурсов, оправдывающих насилие, у совершавшего насилие появятся индивидуальные опоры и подсветятся ценности, несовместимые с насильственным поведением.

Описанный Уайтом способ работы может стать для совершившего насилие той территорией, на которой возможно как освобождение от убеждений, дающих право на совершение насилия, так

13. *Wrethed J.* Cancel Culture and the Trope of the Scapegoat: A Girardian Defense of the Importance of Contemplative Reading // *Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture*. 2022. Vol. 29. P. 33.

и от самостигматизирующих последствий полноценного признания в совершенном.

Ниже мы постараемся раскрыть, какие именно инструменты может предложить нарративная практика для того, чтобы сделать это возможным, но сперва хотели бы упомянуть сообщества и социальные организации, работающие в сходной парадигме — например, использующие скандинавскую модель НОКСА¹⁴ — при работе с насильственным поведением. Аббревиатура НОКСА указывает на последовательность этапов работы с персонами, совершавшими насилие:

- признание случившегося как Насилия (то есть не как случайности и результата стечения обстоятельств);
- признание своего личного авторства и Ответственности;
- восстановление жизненного Контекста и обсуждение места насильственного поведения в биографии персоны;
- Следствие — анализ долгосрочных и краткосрочных последствий события на жизнь автора насилия;
- Альтернатива — поиск опор и навыков, которые в будущем позволят персоне выбирать ненасильственные способы взаимодействия с окружающими.

Использующие подобный инструментарий организации и сообщества делают акцент на необходимости снижения присутствия насилия в мире, но не за счет системы уголовных наказаний и социального исключения тех, кто совершает насилие, а за счет создания пространства для реинтеграции, реабилитации и диалога, в котором совершившая насилие персоне не помещается в де-гуманизирующий контекст.

Здесь важно подчеркнуть, что поскольку нарративная практика исходит из идеи множественности идентичностей, то идентичность, связанная с насильственным поведением, может быть не единственной и *не предпочитаемой*, и другие компоненты идентичности могут подкреплять в персоне стремление к выбору альтернативного пути.

Та же линия рассуждения релевантна и в случаях, когда мы говорим о переживших насилие (вопрос о том, уместно ли использовать в их отношении слово «жертва», все еще остается от-

14. Оберг Х., Исьемин А. Психологическая работа с мужчинами, склонными к домашнему насилию и желающими изменить свое поведение // Серда М. В. Рабочие материалы курса повышения квалификации «Групповое и индивидуальное консультирование мужчин, прибегающих к насилию в семье и желающих изменить поведение». СПб., 2015. С. 167–191.

крытым в силу тянущегося за этим словом тотализирующего контекста). Как пишет Оксана Тимофеева в посвященном сексуализированному насилию эссе «Мне не стыдно»:

Арсенал выразительных средств, предназначенных говорить о насилии, заимствуется жертвой из обыденного языка, инфицированного этим насилием и более приспособленного то ли для порно, то ли для показаний, которые она должна дать перед судом, как бы оправдывая себя¹⁵.

Сообщества и организации, работающие с совершавшими насилие персонами в ценностной парадигме, близкой нарративной практике, стремятся использовать вместо термина «насильник» термин «автор насилия». Этот прием основан на нарративной идее важности роли языка в формировании социальных дискурсов, убеждений и норм. В качестве альтернативы некоторые авторы и сообщества предлагают использовать термин «актор насилия», смысловой акцент которого смещается: называя кого-либо актором, мы предполагаем, что насилие — присутствующая в мире практика или сила, которая прорывается в мир через конкретную персону, и что человек — лишь канал, который пропускает насилие в поле действия, но не тот, кто единолично своими действиями его создает. Благодаря этой оптике конкретный случай насилия помещается в широкий социальный контекст.

Одно из ключевых понятий нарративной практики — экстернализация, или отделение проблемы от терапивируемой персоны. Уайт описывает экстернализацию как операцию по установлению дистанции между субъектом и проблемным событием/состоянием/паттерном поведения:

Экстернализация — отделение проблемы от человека — грамматически выражается в том, что проблема описывается как сущест्वительное. Таким образом устанавливается дистанция между человеком (подлежащим в предложении, субъектом) и проблемой (дополнением), пространство, в котором могут развиваться разнообразные отношения. Для обыденного языка экстернализация не всегда «естественна», поэтому экстернализирующие вопросы могут выглядеть странно. Тем не менее важно сохранять это грамматическое разотождествление проблемы и человека,

15. Тимофеева О. Мне не стыдно // Это не то. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. С. 83.

чтобы «проблемность» не воспринималась как неотъемлемая характеристика его действия¹⁶.

В противоположность экстернализации, интернализирующее понимание проблемы — это понимание, отождествляющее проблему и личность. Уайт подчеркивает, что подобная оптика глубоко укоренена в западной культуре и связана с практиками социального контроля, с понятием нормативности и биополитикой в смысле Фуко. Примером интернализирующего дискурса можно считать грамматические конструкции, в которых проблема выражается через определение («я — ленивый человек») или через относящееся к персоне «обвиняющее» существительное («я — лентяй»).

Цель экстернализирующих бесед — взрастить дистанцию между человеком и проблемой, объективировать последнюю и тем самым восстановить автономию субъекта по отношению к той части личности, которая идентифицировалась с проблемным поведением и негативным восприятием себя и своего жизненного опыта. Создание такой дистанции в ходе терапевтических бесед позволяет участнику терапевтического процесса рассмотреть проблему как объект, на который можно воздействовать вне самообвинительной оптики. Как пишет Уайт,

...подобное отделение идентичности человека от идентичности проблемы не избавляет людей от ответственности за свои поступки и за решение проблем. Скорее людям становится проще принимать на себя ответственность. Если человек и проблема суть одно, то существует очень мало способов избавления от проблемы, помимо причинения вреда самому себе. Но если отношения человека с проблемой становятся более определенными, четко и ясно описанными, как это происходит в экстернализирующих беседах, появляется новый набор возможностей для пересмотра этих отношений¹⁷.

В свете интересующей нас параллели с идеей гонительских репрезентаций стоит обратить внимание на тот факт, что экстернализирующая процедурность в нарративной терапии используется не только в индивидуальной работе, но и в работе с семьями, союзами и сообществами, в особенности когда центральной те-

16. Уайт М. О работе с мужчинами, совершавшими насилие // Narrlibrus. 19.03.2009. URL: <https://narrlibrus.wordpress.com/2009/03/19/responding-to-violence-2006>.

17. Он же. Карты нарративной практики. Введение в нарративную терапию. М.: Генезис, 2010. С. 37.

мой обсуждения является проблемное поведение одного из участников. К примеру, в нарративной терапии и медиации на встречах, посвященных работе с людьми, употребляющими психоактивные вещества и алкоголь, сложилась традиция говорить про то, как это употребление влияет на отношения между людьми, экстернализирующим языком: «твое употребление влияет на меня таким-то образом», «употребление имеет такие-то эффекты» вместо интернализирующих описаний: «мне надоело видеть тебя пьяным», «ты укурыш» и т. д.

Экстернализация позволяет избежать эскалации конфликта, в ходе которой проблемное поведение становится единственным предикатом персоны, а персону, в свою очередь, последовательно дегуманизируется, растворяясь и становясь все более блеклой на фоне отождествления (в том числе и самоотождествления) с проблемой, — подробнее об этом мы скажем в связи с понятием *места для гнева*. Разотождествление с проблемой способно создать благоприятные условия для принятия ответственности за нее и поиска решений, исходящих не из позиции страха перед виктимизацией, гонением и исключением, но из позиции авторства, то есть признания собственной влиятельной позиции в неблагоприятных обстоятельствах и жизненных контекстах.

Деконструируя «ощущение себя вправе». Дешифровка дискурсов

Джон Уинслейд и Джеральд Монк в работе «Нарративная медиация», основанной на многолетнем опыте психотерапевтической практики и социальной работы в нарративном подходе, предлагают в качестве отправного пункта при работе с конфликтами в семьях и союзах понятие «ощущения себя вправе». Подобная, зачастую не подсвеченная и имплицитно прошитая в самоидентификации установка способствует тому, что при «наступлении» другого на нечто важное для персоны та считает себя *вправе* дать отпор, порой выбирая для этого формы поведения, которые могут быть распознаны другими как агрессивные или насильственные. «Ощущение себя вправе» может быть связано с высоким статусом в обществе или самоидентификацией с некоторой группой населения, традиционно обладающей какими-либо привилегиями. Уинслейд и Монк пишут:

Психолог и антрополог Грегори Бейтсон отметил, что научение происходит тогда, когда люди могут обнаружить новую инфор-

мацию в результате сравнения одного набора событий с другим. Когда у людей гиперболизировано представление о собственных правах, им трудно увидеть, насколько негативно это сказывается на партнере, обладающем меньшей властью. Привлекая внимание конфликтующих сторон к едва уловимым негативным изменениям, которые сопровождают эскалацию конфликта, можно яснее понять стратегии преодоления существующих проблем¹⁸.

Иногда это самоощущение исходит из индивидуальных особенностей личной или семейной истории. Однако вариант, связанный с ощущением принадлежности, может быть важнее в контексте фокуса нашей статьи, поскольку подсвечивает, как имплицитно усвоенные культурные паттерны могут встраиваться в повседневность и реализоваться через практики насилия. Зачастую некритичное усвоение подобных дискурсов способствует слепоте в отношении того, что (1) поведение воспринимается другим как насильственное и может иметь негативные для него последствия, равно как и для автора насилия и для их отношений; (2) в коммуникации присутствует дисбаланс власти (структурный — связанный с трудовой иерархией, экономическим статусом, или же неструктурный — менее явный, но от того не менее разрушительный). Согласно Монку и Уинслейду,

... конфликты возникают, когда люди считают, что другие нарушают их права; тогда они прибегают к гневу, жесткости, унижающему жестокому обращению и насилию для того, чтобы защитить то, на что они «вправе». Медиация может деконструировать «ощущение себя вправе» и помочь людям обрести доступ к альтернативному знанию, на котором могут строиться полноправные отношения¹⁹.

У нас есть подходящая цитата, иллюстрирующая деконструкцию «ощущения себя вправе» и принадлежащая одной из расспрашиваемых в ходе нашей терапевтической практики:

Я была автором психологического длительного абьюза по отношению к близкой персоне в период своего тревожно-депрессивного расстройства. Связывала возможность контролировать поведение и свою способность к отношениям, где есть безопасность и нет намеренного и бесконсентного насилия, со своим

18. Уинслейд Дж., Монк Дж. Нарративная медиация. Новый подход к разрешению конфликтов. М.: Судебно-правовая реформа, 2009. С. 169.

19. Там же.

стабильным состоянием. Во время расспрашивания обнаружилось, что я умею не причинять боль близким, находясь в нестабильном состоянии, потому что были рядом и другие люди, а абьюзила я одну конкретную персону. Разбирая основания, почему я считала себя вправе так делать по отношению к ней, я смогла поставить их под вопрос — если это про власть и неравенство в отношениях, то мне это не близко и совсем незначает этому следовать. Я хорошо помню, как чувствовала себя внутри, причиняя боль, какие импульсы боролись между собой — мне кажется, я могу понять иногда кого-то, кто совершает насилие.

Эффективно дополнять деконструкцию может стратегия, в которой терапевт и собеседник выявляют ценности и предпочитаемую историю через то, что в нарративной практике называется *двойным слушанием*: помогающий практик в беседе слушает одновременно и предпочитаемую, и проблемную историю, обращаясь поочередно к каждой из них. В качестве примера приведем кейс из нашей практики, в котором проявлявший насилие к жене мужчина говорил, будто она провоцирует на насильственные действия тем, что заставляет его чувствовать себя незначительным. В русле двойного слушания можно задавать вопросы, направленные на выявление предпочитаемого («Важно ли вам чувствовать свою важность? В какие моменты вы ее чувствуете?»), и затем, выявив эти ценности, рассматривать само насильственное поведение и сверять, насколько оно приводит к предпочитаемому («Как вы считаете, когда вы причиняете вред своей жене, увеличиваете ли вы тем самым вероятность того, что в будущем вы будете важны друг для друга, или, наоборот, уменьшаете?»). Дженкинс также предлагает выявлять предпочитаемое поведение собеседника. Нарративные вопросы в этой связи могут звучать таким образом: «Как вам удавалось и удастся сопротивляться патриархальным дискурсам, желанию преследовать жену звонками, мыслям о своей ничтожности, обидам?» Таким образом можно поддерживать предпочитаемую историю и приглашать взять ответственность за продвижение к ней.

Место для гнева и планета для «плохишей»

В данной статье мы постарались опираться на опыт рефлексивной группы под названием *We don't act like cops to each other*, в которую входят нарративные практики и разделяющие их ценности единомышленники, в том числе один из авторов статьи. В течение нескольких месяцев группа проводила нарративные расспраши-

вания²⁰ по кейсам насилия, встречи с отдельными помогающими специалистами, совместные чтения текстов по теме (ридинги). Мы также проводили нарративное расспрашивание человека, который говорит о себе как о посреднике — человеке, поддерживающем контакт с акторами насилия. Опорой для бесед с акторами насилия стал предложенный Аланом Дженкинсом инструментарий²¹, а идейной соратницей стала упомянутая выше Клементин Морриган — в нашей группе мы развивали направления для работы, отталкиваясь от обсуждения ее идей.

На протяжении всей беседы значимую роль играет готовность терапевта последовательно нивелировать попытки собеседника списать ответственность на кого-то еще: например, если человек говорит о том, что он дал жене пощечину, потому что «себя не контролировал», то, по Алану Дженкинсу, можно задавать провокационные вопросы: «А почему вы не набросились на нее с ножом?» Подобные вопросы деконструируют идею о том, что такой способ действия может быть эффективным в контексте предпочитаемого.

В работе с насилием важно выявлять, какие дискурсы о себе и других поддерживают выбор человека «не контролировать себя» в определенные моменты и с определенными персонами. Зачастую эти идеи формируются в связи с некритично воспринимаемыми представлениями о гендерных ролях, ксенофобией или психофобией:

Вел ли ты себя так же с другими людьми, когда был в депрессии?
Почему одно и то же состояние позволяет с разными людьми вести себя по-разному, с кем-то «терять контроль»?

В первую очередь для такой работы важна возможность честного разговора, когда авторы насилия могут озвучивать свои идеи и получать обратную связь, потому что лишь в открытом диалоге возможен пересмотр идей, убеждений и поступков, поддерживающих или оправдывающих насильственное поведение. Когда речь идет о работе с сообществами или о встрече, в которой помимо автора насилия участвуют пострадавший и свидетели, важно, что-

20. В нарративной практике *расспрашиванием* называется процесс разговора помогающего практика (нарративного терапевта/социального работника) с клиентом («собеседником») в рамках *беседы* — терапевтической сессии.

21. Jenkins A. *Invitations to Responsibility*. Adelaide: Dulwich Centre Publications, 1990.

бы помогающий практик создавал безопасное пространство для диалога, в котором есть место и для критики, и для взаимного уважения. Это намного эффективнее, чем ловушка ложных представлений о том, что автор насилия осознал последствия произошедшего — случается, что совершившие насилие публично извиняются и предпринимают какие-то действия (например, перечисляют деньги в фонды по борьбе с насилием), но все это направлено исключительно на поддержание репутации. Необходимо, чтобы подобная работа не ограничивалось развитием навыков самоконтроля (к примеру, делать дыхательные упражнения, когда злишься, — такой подход критикует и Дженкинс). Для создания диалога важно поощрение самых малых шагов — даже похода на консультацию вместо того, чтобы, к примеру, запереться в туалете.

Но не менее важно в рамках нарративного урегулирования конфликтов отдельно уделять внимание созданию пространства для голоса пострадавших. Задача помогающего практика — дать место не только солидаризирующим переживаниям и дискуссиям, но и боли, гневу и другим эмоциям, которые могут испытывать пережившие насилие, в том числе эмоциям, направленным на конкретных персон²². Экстернализация гнева, нацеленная на то, чтобы отделить его от конкретного лица (совершившего насилие, допустившего случившееся или самого потерпевшего), является необходимым шагом не только с точки зрения благополучия пострадавшего, но и как превентивная мера против миметической эскалации. То есть экстернализация перенаправляет импульс к «ответу» агрессору, который исходит из логики «око за око», представленной в той или иной форме, и, по Жирару, обладает опасным заразительным потенциалом (в случае работы с сообществами — чреватый новыми витками конфликта, остракизмом, недоверием, дегуманизацией и непрекращающимся кругом отмщений, вовлекающим все большее количество участников).

Вопросы, которые может задавать практик пострадавшему, могут быть экстернализующими, но также и выводящими в пространство ценностей, где может быть использована логика *отсутствующего, но подразумеваемого*²³:

22. Согласно Уинслейду и Монку, подобные практики эффективны, к примеру, при разрешении конфликтов в школах. См: Уинслэйд Дж., Монк Дж. Указ. соч. С. 309.

23. *Отсутствующее, но подразумеваемое* — термин из нарративной практики, предполагающий, что за озвучиваемыми клиентом проблемными частями истории в действительности стоят его ценности. Если речь идет

Как эмоция/переживание проявляется в твоей жизни? На что она похожа, какие метафоры возникают при мысли о ней? На какие сферы твоей жизни эмоция/нечто влияет и как? Как ты относишься к этим влияниям? Почему ты относишься именно так, почему тебе (не) нравятся эти влияния? Какие отношения с эмоцией/нечто соотносятся с тем, что ты ценишь в жизни?

Экстернализация гнева также способствует тому, что ранее мы обозначили как движение к неэссенциалистскому пониманию насилия.

Нам бы хотелось подчеркнуть, что инструменты для работы с конфликтами есть не только у «экспертов», но и у сообществ. Некоторые участники и участницы нашей группы организовали публичную медиацию кейса насильственного поведения, во время которой мы опирались на принципы восстановительного правосудия: одним из них является деэссенциализация насилия. Этот опыт и рефлексия над ним стали важной частью наших размышлений о практиках работы с вредом.

Круги сообщества и восстановительное правосудие являются близкими нарративной медиации практиками и выглядят как удачные форматы дестигматизирующей работы с насилием и вредом, доступные сообществам и не требующие участия сторонних лиц. Подобные инструменты позволяют участникам и участницам процесса сохранять больший контакт с собой и своими ценностями, а также обеспечивают более устойчивые результаты процесса.

Круг сообщества — это способ решения конфликтов, который берет свои истоки в практиках различных коренных народов, «обобщая как древнюю, так и современную мудрость о том, как сохранить отношения живыми, открытыми и конструктивными»²⁴. Круг проводится в несколько этапов: определяются участники круга, с ними проводятся восстановительные беседы, на основе этих бесед формулируются вопросы для круга, а затем участвующие последовательно высказываются по сформулированным вопросам. Работу по проведению бесед, формулированию вопросов и модерированию самого круга берут на себя «хранительницы» круга — они могут принадлежать к сообществу, внутри которо-

о медиации конфликта, то за одной и той же претензией к другой стороне могут скрываться совершенно разные потребности. Делая их видимыми для участников беседы, терапевт может находить способы продвигаться к *предпочитаемому*.

24. *Пранис К. и др.* Круги примирения: от преступления к сообществу. М.: Судебно-правовая реформа, 2010. С. 8.

го ведется работа, а могут приглашаться извне. В силу того, что все имеют право голоса и соблюдается принцип равенства сторон, круг дает возможность конфликтующим сторонам услышать свидетелей процесса. Полифония голосов может вносить свой вклад в снижение влияния конфликта.

Восстановительное правосудие — это подход к случаям насилия и нанесения вреда, основанный на принципе восстановления справедливости через включение всех заинтересованных сторон в процесс разрешения конфликта. Эта идея родилась в 1960-е годы благодаря усилиям специалистов и специалисток из сферы уголовного правосудия, криминалистики, юриспруденции, психологии, социологии. Вместо традиционной системы, ориентированной на наказание преступника, восстановительное правосудие ставит перед собой цель возмещения вреда, причиненного жертве, сообществу и самому преступнику. Оно предлагает жертве возможность высказать свои переживания и потребности, а преступнику — принять ответственность за свои поступки и предпринять шаги для их возмещения. Для восстановительного подхода ценна идея экстернализации и поиска совместного решения вопроса о том, что мы можем делать с вредом для того, чтобы ситуация не повторилась.

В заключение представляется важным подчеркнуть взаимосвязь идей, которые являются ключевыми для нашей рефлексивной группы, для концептуализации насильственных действий в рамках нарративной практики, для практики кругов сообщества и для восстановительного правосудия. Неэссенциалистское или, другими словами, экстернализованное понимание насилия, на наш взгляд, связано с идеей о том, что я/мы как сообщество несем долю ответственности за вред, который наносит кто-то другой. Экстернализируя насилие как некую практику, помещая ее в социальный контекст, мы замечаем взаимовлияния насильственных действий, социального контекста и языка (мы говорили об этом выше в связи с определением понятия «автор насилия»). Поэтому сообществам может быть важно понять, что именно внутри них функционирует таким образом, что приглашает людей к использованию насилия. Этому, например, могут помочь вопросы, которые приводят в своей книге Кей Пранис, Барри Стюарт и Марк Уедж, описывая изменения парадигмы того, как *круги сообщества* реагируют на преступление: не забыли ли мы учесть социальные, культурные, расовые и экономические условия, которые привели к преступлению? Не относимся ли мы терпимо к принципам, которые изолируют людей и приводят к де-

структивному поведению? Не создаем ли мы каким-либо образом напряженные отношения с общиной или не разводим ли людей по разные стороны баррикад, невольно пропуская гонительские дискурсы в наши социальные экосистемы и нормализуя их? Иными словами, не действуем ли мы внутри наших семей и общин так, что это приводит к нарушению равновесия, разногласиям и несправедливости, которые могут толкнуть на преступление?

Из понимания этой взаимосвязи следует представление о невозможности создания «острова, куда можно отправить всех „плохишей“» и, соответственно, создания «невинного пространства» по Фишеру. Отгораживаясь от проблемного поведения, вынося его за пределы своего сообщества, мы передаем его дальше, другим сообществам и подвергаем их эффектам, не предпочитаемым для нас, что в дальнейшем может вновь повлиять на нас. Нам важно помнить об этих взаимосвязях и эффектах, размышляя о том, может ли «изгнание» служить цели достижения безопасности. Иначе говоря, «отмена» может работать в течение какого-то времени, если мы не копнем глубже, но последствия могут быть не предпочитаемыми для нас, если нашей целью являлось создание более безопасных сообществ.

Заключение

Жираровская оптика и нарративная оптика представляются нам теоретическими и практическими союзниками в поле поиска новых способов взаимодействия с насилием — способов в широком смысле инклюзивных, не подразумевающих изоляцию и ostracism. Показанные нами параллели между идеями козла отпущения и гонительских репрезентаций с такими нарративными инструментами, как экстернализация и деконструкция, как нам кажется, могут способствовать продуктивному обмену между нарративным сообществом и исследователями наследия Жира-ра — в особенности теми из них, кого волнуют практические аспекты применения его концепций.

Жираровский концепт козла отпущения основан на идее, что насилие, направленное против одного (метафорического одного, которым может быть и группа населения), помогает обществу солидаризироваться и «очиститься» от скопившегося напряжения/подозрительности. Жирар предполагает, что поиск чужака, изгоя, виновного свойственен человеческому сообществу всех эпох и регионов, однако люди редко осознают, что подхватывают гонительские дискурсы стихийно и нерелексивно, именно

на волне «миметического заражения» насилием. Таким образом, обвиняющее сообщество не столько приписывает отдельно взятому козлу отпущения негативные, отталкивающие и вызывающие гнев предикаты, сколько отождествляет с ними избранную в качестве козла отпущения персону (дегуманизация «врага» позволяет, с одной стороны, почувствовать наибольшую возможную дистанцию с ним, а с другой — с наименьшим ощущением вины вершить над ним «суд»). Подобный паттерн становится особенно заметен, когда речь идет не о воображаемых пороках замещающей фигуры, но о вполне конкретных поступках конкретных персон.

Мы видим необходимость сопротивляться проникновению изолирующих и изгоняющих логик в практики наших сообществ, и критика интернализирующих способов обсуждать насилие и реагировать на него, как нам представляется, является значимым шагом в этом сопротивлении. Мы не сможем создать «безопасные пространства», изгнав, «отменив» и сделав козлами отпущения всех «плохишей», потому что *их не существует*. Развивая чувствительность в отношении гонительских риторик, доминирующих дискурсов и интернализирующих способов взаимодействия, создавая и поддерживая практики для возмещения ущерба и восстановления справедливости, мы, возможно, делаем вклад в создание более устойчивых сообществ, внутри которых можно регенерировать отношения.

Библиография

- Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. М.: ББИ, 2019.
- Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010.
- Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: ББИ, 2015.
- Оберг Х., Исьемин А. Психологическая работа с мужчинами, склонными к домашнему насилию и желающими изменить свое поведение // Серeda М. В. Рабочие материалы курса повышения квалификации «Групповое и индивидуальное консультирование мужчин, прибегающих к насилию в семье и желающих изменить поведение». СПб., 2015. С. 167–191.
- Пранис К., Стюарт Б., Уедж М. Круги примирения: от преступления к сообществу. М.: Судебно-правовая реформа, 2010.
- Тимофеева О. Мне не стыдно // Это не то. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. С. 78–90.
- Уайт М. Карты нарративной практики. Введение в нарративную терапию. М.: Генезис, 2010.
- Уайт М. О работе с мужчинами, совершавшими насилие // Narrlibrus. 19.03.2009. URL: <https://narrlibrus.wordpress.com/2009/03/19/responding-to-violence-2006>.

- Уинслэйд Дж., Монк Дж. Нарративная медиация. Новый подход к разрешению конфликтов. М.: Судебно-правовая реформа, 2009.
- Фишер А. Власть и обещание «невинных» пространств // socFAQtor. 25.11.2011. URL: <https://socfactor.wordpress.com/2011/11/25/арт-фишер-власть-и-обещание-невинных-2/>.
- Янкапорта Т. Разговоры на песке. Как аборигенное мышление может спасти мир. М.: Ad Marginem, 2022.
- Clark M. D. DRAG THEM: A Brief Etymology of So-Called “Cancel Culture” // Communication and the Public. 2020. Vol. 5. № 3-4. P. 88-92.
- Jenkins A. Invitations to Responsibility. Adelaide: Dulwich Centre Publications, 1990.
- Morrigan C. Fuck the Police Means We Don't Act Like Cops to Each Other. Montreal, 2020.
- NiaNia W., Bush A., Epston D. Collaborative and Indigenous Mental Health Therapy: Tātaihono — Stories of Māori Healing and Psychiatry. Oxfordshire: Routledge, 2016.
- White M. Narratives of Therapists' Lives. Adelaide: Dulwich Centre Publications, 1997.
- Wrethed J. Cancel Culture and the Trope of the Scapegoat: A Girardian Defense of the Importance of Contemplative Reading // Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture. 2022. Vol. 29. P. 15-37.

ALTERNATIVE APPROACHES TO ADDRESSING VIOLENCE: EXPLORING NARRATIVE THERAPY AND PERSECUTION REPRESENTATIONS

MARISYA PROROKOVA. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia, prorokova1040@list.ru.

VASILIIY RADAEV. Independent scholar, Moscow, Russia, vasilyradaev@gmail.com.

Keywords: scapegoat; narrative therapy; author of violence; social constructionism; cancel culture; persecution; restorative justice.

The article explores the concept of a non-essentialist view on violence related to therapeutic and social work, as well as community self-organization practices. According to the authors, the Girardian perspective on relevant ways of dealing with violence ethically and methodologically aligns with the principles of narrative therapy. The article examines such narrative concepts as deconstruction, externalization, and narrative metaphor, in relation to the concepts of scapegoat and persecution representations.

The article demonstrates the tools that narrative therapy employs while working with individuals involved in violence, survivors of violence, and the community that has witnessed such incidents. It explores such ethically aligned concepts and methods as restorative justice, restorative circles, and the VASCA model that could be effectively applied to this work. Additionally, it examines the allies narrative practice could find in related approaches. The article investigates the current initiatives undertaken by communities and projects aiming to progress in this direction. Furthermore, it explores how René Girard's ideas could complement the narrative toolkit and explains why establishing a dialogue between Girardian theory and narrative practice holds importance for us, both in terms of theory and practice.

Illustrating a practical implementation, the authors of the article present the readers with insights and conclusions drawn from a reflective group's engagement in a series of narrative conflict mediations and therapeutic interventions with individuals responsible for violence and survivors.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-3-147-170

References

- Clark M. D. DRAG THEM: A Brief Etymology of So-Called "Cancel Culture". *Communication and the Public*, 2020, vol. 5, no. 3-4, pp. 88-92.
- Fisher A. Vlast' i obeshhanie "nevinnyh" prostranstv [Power and the Promise of Innocent Places]. *socFAQtor*, November 25, 2011. Available at: <https://socfaqtor.wordpress.com/2011/11/25/арт-фишер-власть-и-обещание-невинных-2/>.
- Girard R. *Ia vizhu Satanu, padaiushchego, kak molniia* [Je vois Satan tomber comme l'éclair], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2015.
- Girard R. *Kozel otpushcheniia* [Le Bouc émissaire], Saint Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2010.
- Girard R. *Zavershit' Klauzevitsa. Besedy s Benua Shantrom* [Achever Clausewitz: entretiens avec Benoît Chantre], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2019.
- Jenkins A. *Invitations to Responsibility*, Adelaide, Dulwich Centre Publications, 1990.
- Morrigan C. *Fuck the Police Means We Don't Act Like Cops to Each Other*, Montreal, 2020.

- Nia W., Bush A., Epston D. *Collaborative and Indigenous Mental Health Therapy: Tātaihono — Stories of Māori Healing and Psychiatry*, Oxfordshire, Routledge, 2016.
- Oberg H., Isiemmin A. Psihologicheskaja rabota s muzhchinami, sklonnymi k domashnemu nasiliyu i zhelajushhimi izmenit' svoe povedenie [Psychological Work With Men Prone to Domestic Violence and Wishing to Change Their Behaviour]. In: Sereda M. V. *Rabochie materialy kursa povyshenija kvalifikacii "Grupповое i individual'noe konsul'tirovanie muzhchin, pribegajushhih k nasiliyu v sem'e i zhelajushhih izmenit' povedenie"* [Working Materials of the Advanced Training Course "Group and Individual Counselling for Men Resorting to Domestic Violence and Wishing to Change Their Behavior"], Saint Petersburg, 2015, pp. 167–191.
- Pranis K., Stuart B., Wedge M. *Krugi primirenija: ot prestuplenija k soobshhestvu* [Peacemaking Circles: From Conflict to Community], Moscow, Sudebno-pravovaja reforma, 2010.
- Timofeeva O. Mne ne stydno [I am Not Ashamed]. *Jeto ne to* [That's Not That], Saint Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2022, pp. 78–90.
- White M. *Karty narrativnoj praktiki. Vvedenie v narrativnuju terapiju* [Maps of Narrative Practice], Moscow, Genesis, 2010.
- White M. *Narratives of Therapists' Lives*, Adelaide, Dulwich Centre Publications, 1997.
- White M. O rabote s muzhchinami, sovershavshimi nasilie [Working With Men Who Have Perpetrated Violence]. *Narrlibrus*, March 19, 2009. Available at: <https://narrlibrus.wordpress.com/2009/03/19/responding-to-violence-2006>.
- Winslade J., Monk G. *Narrativnaja mediacija. Novyj podhod k razresheniju konfliktov* [Narrative Mediation: A New Approach to Conflict Resolution], Moscow, Sudebno-pravovaja reforma, 2009.
- Wrethed J. Cancel Culture and the Trope of the Scapegoat: A Girardian Defense of the Importance of Contemplative Reading. *Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture*, 2022, vol. 29, pp. 15–37.
- Yunkaporta T. *Razgovory na peske. Kak aborigennoe myshlenie mozhet spasti mir* [Sand Talk. How Indigenous Thinking Can Save the World], Moscow, Ad Marginem, 2022.